ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

И. ЛУКАШЪ.

ВОЛЫНЦЫ.

Цѣна 15 коп.

Издательство „Освобожденная Россія“.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

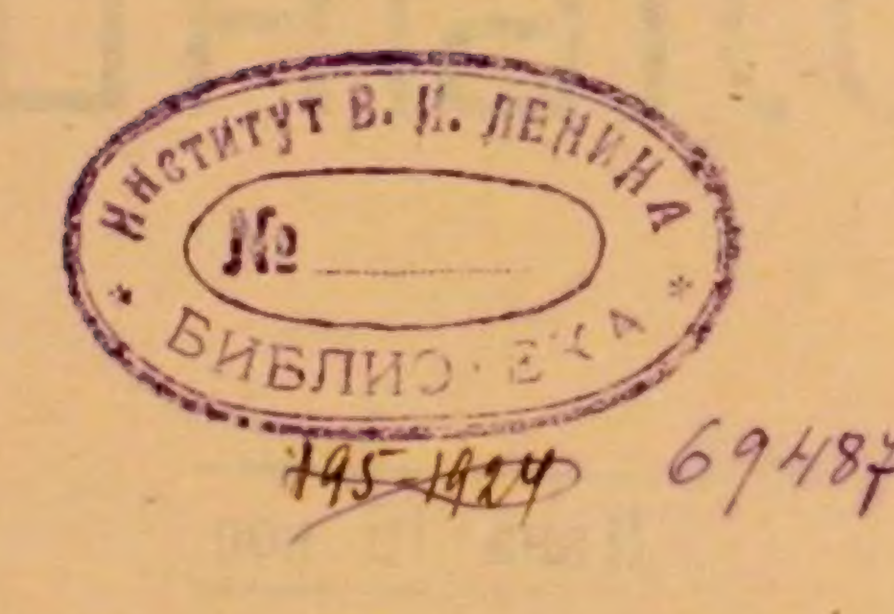
И. ЛУКАШЪ.

ВОЛЫНЦЫ.

Цѣна 15 коп.

Издательство „Освобожденная Россія“.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

ВОЛЫНЦЫ [1]).

«Сіяетъ величіемъ подвигъ революціоннаго солдата»...

Мы должны молчать, благоговѣйно обнаживъ головы. Пусть они сами разскажутъ намъ.

Изъ ихъ устъ записалъ я живую, страстную рѣчь о томъ, какъ подымалось и какъ разлилось все сметающей грозной лавиной, величественное, осіянное вѣчной славой наше солдатское возстаніе.

Яснодушно и просто разскажутъ они вамъ о той мучительной солдатской скорби и о желанной народной любви и о тяжкомъ разладѣ душевномъ, что заставило поднять ихъ трехгранные штыки во имя народа.

Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, родные наши Волынцы— были первыми. И они начнутъ свой разсказъ о тѣхъ трехъ дняхъ, которые принесли намъ на остріѣ штыковъ нѣжно-желанную, божественную Свободу.

Мы молчимъ, благоговѣйно обнаживъ головы.

1.

25 февраля... Заводы бастуютъ. Всталъ трамвай. Въ полку говорятъ, что голодные люди вышли на улицу требовать хлѣба. Утромъ былъ произведенъ «разсчетъ» учебной команды: ее раздѣлили на двѣ роты, ее готовили повести на улицы.

Первой ротой командовалъ человѣкъ жестокій, язвительный, грубый; онъ умѣлъ оскорблять до слезъ даже старыхъ солдатъ. За золотые очки его звали Очкастой Змѣей, а также Злой Ехидной.

Вотъ имена тѣхъ, кто были въ первой ротѣ солдатскими командирами: фельдфебель, подпрапорщикъ Лукинъ; взводные:

---

[1]) Первоначально напечатано было въ газетѣ «Современное Слово».

старшіе унтеръ-офицеры Василій Козловъ и Θедоръ Конниковъ, младшіе—Михаилъ Марковъ и Михаилъ Бродниковъ и отдѣленные: Карасевъ, Орловъ, Губаревъ, Ильинъ, Борисовъ, Валюкъ, Киринъ, Кирѣевъ и Кочергинъ,—по прозвищу «Малышъ». Во второй ротѣ солдатскими командирами были: фельдфебель, старшій унтеръ-офицеръ Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, имя, которое вы услышите еще не разъ; взводные: младшій унтеръ-офицеръ Миронъ Кирпичниковъ, старшіе унтеръ-офицеры Иванъ Зайцевъ, Плиссъ и ефрейторъ Сѣроглазовъ.

Всѣ эти солдатскія имена навѣки останутся въ русской исторіи, всѣ они сіяютъ прелестью русской простоты. И яркимъ огнемъ горитъ среди нихъ имя Тимофея Кирпичникова.

25 февраля, въ 8 ч. утра, вторая рота учебной команды получила приказъ идти на Знаменскую площадь и оставаться тамъ до 12 ч. ночи, не допуская стекаться на площадь народъ. Первая рота осталась въ казармахъ, съ тѣмъ, чтобы по первому вызову пойти къ площади на поддержку ушедшихъ.

Въ этотъ день вторая рота размѣстилась въ домахъ по Кирочной улицѣ: взводы сидѣли по дворницкимъ и въ какихъ то сараяхъ, гдѣ жили въ невылазной грязи китайцы-рабочіе. Взводы весь день сидѣли голодные. Только голый кипятокъ присылали изъ полка, зато кипятку сколько угодно: за сутки нагнали кухонь пять!

Въ 11 ч. дня ротный офицеръ вызвалъ роту на улицу. Съ Невскаго къ Знаменской площади двигалась, медленно колыхаясь, темная, поющая толпа, а флаги метались надъ ней красными язычками.

Рота Волынцевъ, съ ружьемъ къ ногѣ, построилась противъ памятника Александру III. Грузный царь, свѣсивъ голову, угрюмо смотрѣлъ съ грузнаго бронзоваго коня на звякающую винтовками роту.

Толпа шла. Въ стонущемъ гулѣ голосовъ слышались и приказанія и мольба:—Не стрѣляйте! Неужели вы будете стрѣлять?.. Братья!

У многихъ солдатъ стояли слезы въ глазахъ. Уже давно, еще съ прошлаго Рождества говорили въ полку, что больше нѣтъ силъ, что никогда больше не подымутъ винтовокъ противъ родного народа. Всѣ давно уже знали, какимъ измѣннически-подлымъ гнѣздомъ было старое правительство. И давно уже многіе безповоротно порѣшили, если придется,—бить вверхъ, въ воздухъ, но не туда—въ рокочущую родную толпу...

— Приготовсь!—скомандовалъ офицеръ. Команду машинально исполнили.

Фельдфебель Тимофей Кирпичниковъ обходилъ сзади цѣпи солдатъ и къ каждому наклонялся и каждаго товарищески предостерегалъ:

— Ребята, больше думайте, главное больше думайте... Въ кого вы будете стрѣлять! Вѣдь наши, родные.

Толпа залила памятникъ, зачернѣла на красномъ блестящемъ гранитѣ. Началъ говорить чей-то горячій и звонкій голосъ. Показалась голова оратора, а надъ нею рѣялъ красный флагъ.

Прапорщикъ скомандовалъ первому взводу—«на плечо»! и пошелъ къ молодому оратору сквозь тѣснящую, взволнованную толпу. Снимая красный флагъ съ памятника, прапорщикъ поскользнулся о гранитный парапетъ и упалъ. Толпа съ воплемъ бросилась на лежащаго и солдаты еле-еле оттѣснили ее.

Откуда-то прискакали казаки. Повертѣлись, поцокали копытами лохматыхъ сибирокъ—лукавые чубари. Щурятъ глаза, посмѣиваются... «не стрѣляй, молъ, братцы».

И рота Волынцевъ, стѣсненная толпой, съ винтовками на изготовкѣ, съ забитыми боевыми патронами, проситъ разойтись, почти умоляетъ войти въ ихъ тяжелое солдатское положеніе.

То разсѣется темная, гудящая толпа, то сольется снова. И близко встанетъ темной стѣной. И близко видишь блѣдныя лица и тысячи родимыхъ, тревожныхъ, молящихъ глазъ. Страдальческая тоска жметъ сердце и гонитъ на глаза слезу.

Встала ночь и въ темномъ туманѣ все кишѣла на площади толпа и звала и молила.

Наконецъ, въ 12 час. ночи ротѣ скомандовали идти въ казармы.

А въ казармахъ еще въ 5 ч. дня командиръ 1-ой роты собралъ въ «Образной» оставленную на день первую роту.

Маленькій, вращая глазами изъ-подъ золотыхъ очковъ, бѣгалъ передъ рядами совсѣмъ самъ не свой.

Онъ уже зналъ, какъ вела себя вторая рота на Знаменской. Грозился, язвилъ, приказывалъ стрѣлять, «загладить пятно»...

— Загладите? Такъ?—бросалъ онъ въ солдатскіе ряды.

Молчали солдаты, молчали и офицеры.

По солдатски, на вытяжкѣ, стояли передъ начальникомъ, стиснувъ только зубы отъ горькихъ оскорбленій...

Уже за полночь, съ клубами морознаго пара, пришла съ улицъ захолодавшая и голодная вторая рота. Всѣ на перебой говорили о томъ, что было днемъ. Всѣ ждали чего-то. Подъемъ какой-то былъ на душѣ.

Около 2-хъ часовъ ночи, когда подъ старинными сводами полутемной казармы уже перекатывалось крѣпкое похрапыванье, да сонные вздохи, да тоскующіе стоны молодыхъ солдатиковъ, къ койкѣ Тимофея Кирпичникова сошлись взводные и фельдфебеля. Сошлись поговорить, подумать, но сидѣли тихо, поглядывая на робкій огонекъ иконной лампадки.

Завтра ихъ пошлютъ заглаживать «пятно», завтра нужно будетъ стрѣлять... Всѣ молча думали одну тяжелую думу. И уже разошлись усталые взводные, а Кирпичниковъ, Козловъ и Марковъ еще долго сидѣли рядомъ на койкѣ.

— Стрѣлять. А какъ стрѣлять? Какъ трудно стрѣлять въ своихъ братьевъ: уже легче кажется умереть. Пришла бѣда. Какъ быть?.. Вѣдь стрѣлять и позорно, и нестерпимо жалко.

— Позорно и жалко—такъ и рѣшили, передъ тѣмъ, какъ разойтись по своимъ койкамъ.

Уже свѣтало. Легли, думали заснуть. Но долго еще лежали, закинувъ за голову руки, и смотрѣли, не отводя глазъ, на робко мерцающій огонь лампады.

2.

26 февраля... Еще въ сизомъ дыму разсвѣта поднялъ барабанъ обѣ роты учебной команды и въ 8 ч. утра, съ боевыми патронами въ пороховницахъ, они уже выстроились на дворѣ казармъ.

Тотъ офицеръ, котораго солдаты звали Злой Ехидной, приказалъ Тимофею Кирпичникову быть все время подлѣ него, на глазахъ, и поэтому во вторую роту фельдфебелемъ былъ назначенъ унтеръ-офицеръ Иванъ Зайцевъ.

Командиръ прохаживался вдоль рядовъ и быстро и спутанно говорилъ, поправляя золотые очки.

Говорилъ, что солдаты—защитники царя. Наказывалъ безпощадно стрѣлять и, если нужно, бить прикладомъ и, если нужно, колоть штыкомъ... Передъ ротами выкатили два пулемета, и снова пошли Волынцы на Знаменскую площадь.

Въ синеватомъ морозномъ туманѣ была пустынной площадь. Грузно спалъ, свѣсивъ голову, окутанный паромъ бронзовый Александръ III.

Первую роту провели въ подвалъ «Сѣверной Гостиницы», а вторая размѣстилась въ домахъ по Николаевской улицѣ. Одни дозорные остались на площади и имъ настрого было приказано никого не пропускать на Невскій и сразу же всѣхъ разгонять, какъ только начнутъ собираться.

А народъ началъ собираться съ утра. И утромъ еще дозорный второго взвода, ефрейторъ Иванъ Ильинъ, прямо сказалъ, что онъ никого разгонять не станетъ, что это не солдатское дѣло. Командиръ первой роты вызвалъ Ильина къ себѣ въ номеръ. Ефрейтора привели.

— Какъ ты смѣешь не слушаться? Ты—бунтовщикъ, я тебя въ тюрьмѣ сгною... Ты арестованъ, разжаловать. Долой нашивки!

— Не трогать!—отстранилъ Ильинъ его руку и самъ, неторопливо и гордо, сорвалъ свои нашивки. Въ эту минуту онъ былъ даже доволенъ, что не нужно снова идти на улицу и снова

стоять передъ взволнованнымъ лицомъ толпы и встрѣчать тысячи молящихъ, расширенныхъ глазъ.

Кирпичниковъ получилъ приказанiе отвести ефрейтора въ дворницкую. И пока они спускались по лѣстницѣ, Кирпичниковъ тихо пожалъ товарищу руку:

— Молодецъ, ты другъ... Ничего не бойся. Все хорошо.

Былъ уже полдень, когда на Гончарной улицѣ, вдалекѣ, заколыхалась толпа демонстрантовъ. И казалось, эта толпа грознѣе тѣхъ толпъ, что были вчера. Гулъ голосовъ, нестройное пѣнiе «Марсельезы», глухiе выкрики—сливались въ одинъ долгiй, неумолкаемый вопль. Толпа плыла и гудѣла, какъ темный кипящiй потокъ.

Роту вызвали изъ подвала отеля, спѣшно построили и развернутой цѣпью повели вдоль Гончарной, съ винтовками наперевѣсъ. Хотѣлось зажмурить глаза, остановиться, но придвигалась толпа и медленно шли ей навстрѣчу солдатскiя цѣпи. Отяжелѣлыми казались винтовки въ рукахъ, точно ихъ кто-то разомъ налилъ грузнымъ свинцомъ.

— Залпъ!—послышалась короткая и звонкая команда.

Не глядя на толпу, поднявъ только повыше винтовки, цѣпь дала первый залпъ. Въ воздухъ, вверхъ.

Но вдругъ надъ головами затарахтѣли, забормотали горячо и жарко пулеметы. Кто это стрѣлялъ? Можетъ быть, бѣшеный командиръ первой роты, можетъ быть полицейскiе...

— Полилась братская кровь,—прошепталъ Кирпичниковъ, безсильно сжавъ кулаки.

Стрѣльба поднялась со всѣхъ сторонъ. Но волынцы стрѣляли вверхъ, только вверхъ. И тогда изъ подъѣзда отеля выбѣжалъ въ разстегнутой шинели командиръ первой роты.

— Какъ вы стрѣляете? По одному стрѣлять, чтобы я видѣлъ... Въ людей цѣлить, въ людей!

Онъ бѣгалъ, какъ сумасшедшiй, между солдатъ, выхватывалъ изъ рукъ винтовки и стрѣлялъ самъ. Толпа разбѣгалась, катилась во всѣ стороны, какъ черный горохъ. Жались къ стѣнамъ домовъ рѣдкiя кучки людей. Тискались къ запертымъ

воротамъ. Падали въ снѣгъ. Пробовали приподняться, встать, бѣжать и падали снова...

Въ 3 ч. дня данъ былъ приказъ огонь прекратить.

Угрюмо строились роты и никто не могъ взглянуть другому въ глаза. Гончарная пустынно затихла. Уже темнѣло.

А въ это время вторая рота, которую размѣстили утромъ на Николаевской ул., была на Невскомъ. Командиръ первой роты прибѣжалъ провѣдать и ее, но его обманули тамъ солдатской смекалкой.

Далеко-далеко, въ темнотѣ, показалась толпа. Командиръ сразу же крикнулъ—«огонь!», но взводный Марковъ и отдѣленный Орловъ, хорошо зная командирскую близорукость, замахали руками.

— Что вы, что вы, ваше благородіе... Это не толпа. Это же—кавалерія.

— А, кавалерія... Отставить!

Вечеромъ на Знаменскую прислали изъ полка, какъ и вчера, пять кухонь голаго кипятку. Солдаты толпились у походныхъ кухонь, грѣли зазябшія руки о глиняныя кружки, жались другъ къ другу... На площади было безлюдно, но изъ темноты, съ панелей, слышались иногда печальные оклики. Или только чудилось это?

— Братцы, что вы дѣлаете!.. Идите къ намъ братцы!

Многіе дрожали нервной дрожью. Многіе не могли слушать и зажимали себѣ ладонями уши.

Уже къ ночи, роты растянулись цѣпью по Знаменской, съ приказомъ не пропускать ни одного автомобиля, ни одного извозчика, ни одного пѣшехода. На тротуарахъ кое-гдѣ жались кучки людей, просили пустить домой. Какая-то маленькая старушка въ черной шляпкѣ плакала навзрыдъ и бормотала сквозь слезы, что не сможетъ простоять на улицѣ всю ночь, что не выдержатъ ночного мороза ея старыя косточки.

Запоздалыхъ путниковъ выручилъ Кирпичниковъ. Подходитъ онъ къ офицерамъ, стукаетъ каблуками и говоритъ, лихо отдавая честь:

— А не угодно-ли будетъ г.г. офицерамъ обогрѣться въ гостиницѣ? «Отчего не погрѣться!»—офицеры соглашаются; и какъ-только они скрылись въ огромныхъ дверяхъ отеля, Кирпичниковъ машетъ рукой:

— Ну, милые, мигомъ! Бѣгите черезъ улицу, кому надо... По домамъ.

Побѣжали. За другими проковыляла и маленькая старушка, а сама уже не плачетъ,—смѣется. Довольна старая.

Въ часъ ночи пришелъ, наконецъ, приказъ снять дозоры, строиться и идти въ казармы.

Пустынными, утонувшими въ темнотѣ, улицами пошли роты домой. Всѣ молчали дорогой. У всѣхъ темно и туманно было на душѣ.

На Виленскомъ переулкѣ, передъ полковыми воротами, командиръ первой роты приказалъ встать. Онъ прошелся вдоль рядовъ, поглядывая черезъ очки на лица солдатъ.

— Вотъ, вамъ была практика сегодня. Такъ и на войнѣ бываетъ... Только вы плохо работали. Нужно лучше, гораздо лучше. Ну да ладно,—спасибо.

Изъ рядовъ нѣсколько голосовъ нестройно и угрюмо отвѣтили «рады стараться».

Молча подымались усталые люди въ казармы, а товарищи встрѣчали ихъ на лѣстницѣ и говорили, что другія роты уже наслышаны о томъ, что было на Гончарной, что другія роты не вѣрятъ, будто Волынцы могли стрѣлять. Учебная команда отмалчивалась. Пришли, сложили, какъ всегда, въ козлы винтовки и, какъ всегда, скатали шинели. Всѣмъ поскорѣе хотѣлось лечь, закрыться съ головой и уснуть...

Скоро въ учебную команду пришелъ командиръ первой роты. Походилъ между коекъ, оглядѣлся и вдругъ говоритъ:

— Сегодня нужно осмотрѣть всѣ винтовки и у всѣхъ отобрать на ночь патроны.

Онъ точно уже предугадывалъ. Точно чувствовалъ онъ въ глухихъ отвѣтахъ солдатъ и въ быстромъ блескѣ ихъ глазъ

что-то неуловимо-пугающее, что-то тревожное, какъ гулъ далекой грозы, какъ нѣмыя игры зарницъ.

«Отобрать патроны»—этого никогда раньше не бывало въ полку, чтобы на ночь патроны отбиралъ самъ офицеръ. Кирпичниковъ выступилъ впередъ и, сдерживая себя, тихо напомнилъ командиру, что взводные, а не офицеры всегда отбирали патроны, что они уже отобраны и нѣтъ нужды дѣлать провѣрку. Командиръ промолчалъ, только губами пожевалъ.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ, уходя.—На завтра я назначаю выступленіе въ 8 часовъ утра, а теперь спать. Чтобы у меня—всѣ спали!

Многіе и такъ уже спали, устало раскинувъ руки. Будто спятъ крѣпко-накрѣпко, но вдругъ застонутъ, вздохнутъ и вскакиваютъ и растерянно осматриваются...

. . . Воющая толпа на Гончарной. Люди, прижатые къ наглухо запертымъ воротамъ домовъ. Трескотня залповъ, дымъ. Темная кровь на бѣломъ снѣгу...

— Что это?.. Господи спаси и помилуй,—торопливыми крестами крестились въ темнотѣ солдаты и снова падали на койки.

Вторая ночь настала у Волынцевъ.

И давно уже пробили полночь торопливые часики въ канцеляріи, когда къ койкѣ Кирпичникова собрались со всей команды взводные. Еще раньше обмѣнялись они полусловами, намеками, жаркими, проникающими въ душу взглядами, но всѣмъ имъ и безъ словъ было понятно, что нужно пойти другъ къ другу и что-то сказать и рѣшить что-то.

Босые, въ одномъ бѣльѣ, только въ накинутыхъ на плечи шинеляхъ, выходили они одинъ за другимъ изъ темноты, какъ быстрыя и безшумныя тѣни. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ день всѣ были какъ тѣни. Блѣдные, взволнованные столпились они у койки Кирпичникова. И настало такое нѣмое мгновеніе, когда будто слышалось, какъ неровно и гулко бьется у всѣхъ сердце.

Изъ темноты послышался отчетливый и спокойный голосъ товарища, того товарища, котораго крѣпко любитъ и которому вѣритъ ненарушимо вся рота.

— Братья мои, дорогіе мои товарищи... Сколько крови было сегодня. Насъ заставляютъ бить своихъ. Убивать заставляютъ нашихъ женъ, отцовъ старыхъ, матерей, братениковъ милыхъ... И знаемъ мы всѣ, что ни за что. Знаемъ мы, что для того только, чтобы темнѣе да глуше была на Руси темная ночка.

Пресѣкся голосъ. Еще тѣснѣе всѣ сжались, еще ближе продвинулись къ койкѣ. А голосъ уже звенѣлъ отчетливо и крѣпко, какъ сталь.

— Мы не пойдемъ завтра. Никто изъ насъ завтра не выйдетъ стрѣлять въ свой народъ. Никто братья.

Всѣ вздохнули, точно тяжкій камень свалился съ груди. Вотъ оно—найдено то простое и ясное рѣшеніе, котораго ждали всѣ, о которомъ уже давно болѣла нестерпимой болью душа. Завтра никто не пойдетъ: всѣ согласились единодушно.

Размотало съ души клубокъ найденное рѣшеніе и каждый понялъ, что и какъ нужно дѣлать. Говорили одинъ за другимъ. Не успѣетъ кончить одинъ, уже предлагаетъ другой и всѣ предложенія такъ понятны, такъ нужны и такъ правильны. Крѣпчаетъ единодушіе.

— Мы завтра подымемъ команды на часъ раньше... Да, въ 7 час. утра, а не въ 8.

— Построимся. Построимся съ оружіемъ, съ боевыми патронами...

— Всѣ, какъ одинъ. Спокойно, выдержанно, строго.

— А теперь надо разойтись. Намъ нужны силы. Идемте. Попробуемъ заснуть, забыться... Идемте.

Тихо, стараясь не разбудить усталыхъ товарищей, взводные разошлись и пропали въ темнотѣ, какъ безшумныя тѣни. Только трое остались на койкѣ Кирпичникова и тогда въ неторопливой бесѣдѣ было рѣшено поставить своихъ дневальныхъ и забрать въ команду пулеметы, чтобы уже ни за что ихъ не отдать. Разошлись и они: все было кончено.

Въ эту минуту впервые ударилъ грозный часъ Революціи...

Койку Кирпичникова отдѣляетъ отъ койки Маркова только маленькій столикъ, они спятъ почти рядомъ. И вотъ, въ темнотѣ,

всталъ Михаилъ Марковъ и вынесъ изъ козелъ свою боевую винтовку. Онъ погладилъ гладкій, отертый руками прикладъ и поцѣловалъ ея холодное дуло долгимъ и тихимъ поцѣлуемъ.

— Спи пока, моя вѣрная жена,—сказалъ онъ, кладя винтовку рядомъ съ собой на подушку,—ты, родная, принесешь намъ Свободу.

Услышалъ это Тимофей Кирпичниковъ и прошепталъ товарищу:

— Милый ты, Марковъ. Милый ты другъ мой, Миша.

И начался у нихъ разговоръ. Трепетный и тревожный разговоръ трепетной второй ночи.

— Какъ бы все это сдѣлать, чтобы толкъ вышелъ? Вѣдь одни мы все начинаемъ.

— Да, одни. И пойдутъ-ли еще за нами другіе... А вдругъ, какъ насъ разгромятъ.

— Ну, чтоже тогда насъ повѣсятъ съ тобой, Михаилъ. Безъ пощады повѣсятъ.

— Эхъ, будь что будетъ... Смерть не страшна. Не первые мы умремъ за свой народъ... Да только не могу я повѣрить, чтобы насъ не поддержали. Чувствую я, что всѣ ждутъ общаго сигнала.

— А если не поддержатъ, Волынцы будутъ драться одни. Мы—учебная команда. Насъ строго учили, какъ надо драться. У насъ есть пулеметы. Мы можемъ разбить тысячу, даже двѣ солдатъ. А потомъ умремъ. Сдаваться не будемъ.

— Не будемъ. Нѣтъ, нѣтъ... Только чувствую я, что всѣ возстанутъ. Вѣдь общее народное дѣло.

Сѣрый холодный дымъ разсвѣта уже льнулъ къ стекламъ оконъ. Оба товарища забылись на минуту сномъ. Вдругъ Кирпичникова разбудилъ встревоженный голосъ дежурнаго дневальнаго.

— Васъ вызываетъ къ телефону командиръ первой роты.

Марковъ и Кирпичниковъ вскакиваютъ и, въ одномъ бѣльѣ, спѣшатъ къ телефону въ канцелярію. Кирпичниковъ беретъ трубку, а Марковъ слуховой пріемникъ.

— Всѣ спятъ?—слышенъ въ трубкѣ голосъ командира.

— Всѣ лежатъ—отвѣчаетъ Кирпичниковъ.

— А гдѣ каптенармусъ? Кажется, онъ шатается ночью по казармамъ.

— Нѣтъ, каптенармусъ тоже спитъ...

У Кирпичникова на минуту заколохнуло сердце: каптенармусъ на самомъ дѣлѣ не спалъ. Онъ былъ въ это время въ 4-ой ротѣ, чтобы переговорить съ товарищами о завтрашнемъ днѣ.

— Такъ помните: построиться безъ 10 мин. 8 час.—приказываетъ голосъ командира.

Въ казармахъ о разговорѣ съ командиромъ уже слышали. Многихъ разбудили, а многіе и такъ тихо лежали всю эту ночь напролетъ, съ открытыми глазами, всю эту трепетную, рѣшительную ночь на 27 февраля.

Въ 6 ч. утра всѣ были на ногахъ.

Взводные собрали въ кружки свои взводы и объясняли имъ, на какое великое дѣло выйдутъ они сегодня. Всѣ соглашались, какъ одинъ.

Изъ полкового цейхгауза, подъ командой инструктора Ивана Дренчука, товарищи выносили патроны, ящикъ за ящикомъ. Патроны быстро разбирали по рукамъ. Набивали ими карманы шинелей, пароховницы, сыпали за пазуху. Всѣ рѣшились защищать до конца свою свободу и жизнь.

Въ 7 час. утра, т. е. за часъ до назначеннаго командиромъ срока, вся учебная команда, съ винтовками въ рукахъ, уже выстроилась, въ полномъ боевомъ порядкѣ, въ длинномъ коридорѣ «Образной».

Изъ рядовъ выступилъ Тимофей Кирпичниковъ. Оглядѣлъ онъ знакомыя, родныя лица товарищей и темная тоска зажала ему на мигъ сердце.—«Что то будетъ съ нами со всѣми». Оправился, задержалъ слезы, стиснувшія вдругъ горло.

— Милые мои, друзья, товарищи—будете-ли слушать команду?

— Будемъ,—горячо и дружно прокатилось по рядамъ.

— Вы видѣли, что было вчера, чью кровь заставляли насъ лить, кого бить прикладами, въ кого стрѣлять. Согласны-ли вы не идти противъ народа?

— Согласны,—горячо вырвалось у всѣхъ.

— За прежнее грѣхъ намъ и стыдно, товарищи. Отнынѣ довольно. Еще часъ, еще день и навсегда лишимся мы, лишится солдатъ желанной любви народа.

И только успѣлъ сказать это Кирпичниковъ, какъ въ «Образную» стали приходить офицеры.

Было условлено всѣхъ офицеровъ, кромѣ командира первой роты, встрѣчать какъ всегда и по уставу отвѣчать на офицерское привѣтствіе. Первымъ вошелъ прапорщикъ Колоколовъ. Кирпичниковъ скомандовалъ «смирно»! и на офицерское «здорово, молодцы»—ряды отвѣтили, какъ всегда. Всѣ ждали командира 1-й роты.

Въ 9 час. утра въ «Образную» вышелъ и онъ. Прапорщикъ скомандовалъ «смирно». Командиръ, не здороваясь съ солдатами, быстро подошелъ къ Кирпичникову и оглядѣлъ его изъ-подъ очковъ пытливымъ и жесткимъ взглядомъ.

— Ну, здравствуй Кирпичниковъ... У Тимофея забилось сердце: «съ чего это онъ»?

Вдругъ могучее, нежданное «ура» вырвалось изъ солдатскихъ рядовъ. Задребезжали стекла высокихъ оконъ. Командиръ растерянно оглядѣлся...

—Мы больше не будемъ стрѣлять!—крикнулъ Марковъ въ перерывѣ между раскатами «ура». Командиръ подбѣжалъ къ нему, уцѣпился пальцами за пуговицы шинели.

— Что, что ты говоришь?

Марковъ вскинулъ винтовку на изготовку. Командиръ отбѣжалъ. И Кирпичниковъ тоже отступилъ отъ него шагъ вправо, къ рядамъ,—командиръ остался одинъ передъ фронтомъ. Сразу стихло. Глухое, грозовое затишье настало въ «Образной», Всѣ стояли, не шелохнувшись, только винтовки сжимали, стискивали въ рукахъ...

Командиръ нервно, почти бѣгомъ, заходилъ вдоль рядовъ. Правая рука была у него въ карманѣ. А тамъ, въ карманѣ, навѣрное, револьверъ...

Четыреста паръ глазъ слѣдили за правой рукой командира, четыреста головъ, какъ по командѣ, повертывались вправо и влѣво, вслѣдъ за командирской спиной.

Мертвая тишина. Только быстрый шелестъ головъ, да легкій, трепещущій звонъ командирскихъ шпоръ. Прапорщикъ Колоколовъ не выдержалъ... Поблѣднѣлъ и зашатался. Онъ упалъ въ обморокъ.

Его вывели на воздухъ. Командиръ немного оправился... Вынимаетъ изъ кармана смятый листокъ телеграммы, пробуетъ читать. Телеграмма была отъ царя:

«Немедленно всѣми средствами успокоить волненіе».

Глухой гулъ прервалъ чтеніе: никто не желалъ слушать. Командиръ снова пробуетъ читать—снова глухой гулъ. И вдругъ чей-то прикладъ грозно ударилъ о каменныя плиты.

— Уходи отъ насъ! Мы не хотимъ тебя видѣть!

Ударилъ еще прикладъ, еще и скоро весь корридоръ грохоталъ, гудѣлъ и сотрясался отъ грозныхъ ударовъ о каменный полъ.

— Уходи! Уходи!

Точно сотни тяжелыхъ орудій открыли сплошную пальбу. Такой грохотъ стоялъ тогда въ корридорѣ,—вспоминаютъ солдаты.

Командиръ поблѣднѣлъ, какъ-то весь съежился и быстро выбѣжалъ вонъ.

Бросились къ окнамъ. И многіе видѣли, какъ на дворѣ, командиръ раскинулъ вдругъ руки и съ размаха рухнулъ лицомъ въ снѣжный сугробъ. Его убила чья-то случайная, мѣткая пуля.

Тимофей Кирпичниковъ принялъ команду.

— Рота, направо, за мной — шагомъ маршъ!

Торопливо, какъ въ лихорадкѣ, выстроились. Торопливо двинулись во дворъ. У воротъ, въ снѣгу, разметавъ руки, лежалъ

командиръ. Въ сторонѣ торчали изъ снѣга очки, съ разбитыми стеклами. Къ воротамъ былъ посланъ дозоръ.

Марковъ, Козловъ, Орловъ и десятки другихъ безымянныхъ, простыхъ и яснодушныхъ героевъ-солдатъ нашей сказочной революціи бѣгутъ подымать остальныя команды Волынцевъ.

На дворѣ гремитъ пальба вверхъ. Мѣдные рожки горнистовъ поютъ тревогу. Воздухъ сотрясается отъ гулкихъ выстрѣловъ, отъ раскатовъ «ура». Словъ нѣтъ, всѣ слова, все біеніе душевное вливается въ это «ура».

— Мы свободны... Товарищи, родные, мы свободны.

Скоро весь дворъ заколыхался штыками: всѣ Волынцы вышли. И Тимофей Кирпичниковъ выступилъ изъ рядовъ, поднялъ, точно благословляя, руки и крикнулъ:

— Теперь—впередъ... Впередъ, товарищи. Шагомъ маршъ!

Онъ помнитъ еще одну команду, когда Волынцы подходили уже къ воротамъ. Ту нехитрую, солдатскую команду, которая повернула такъ неожиданно и такъ быстро весь ходъ нашей исторіи и двинула родину, какъ хлынувшее море, къ свѣтлой свободѣ.

— Правое плечо впередъ, шагомъ маршъ—къ Литовцамъ, къ Преображенцамъ...

... На улицахъ города еще ходили голодныя толпы съ крикомъ «хлѣба». Еще шли на Невскій, съ безнадежнымъ отчаяніемъ въ душѣ, рабочія демонстраціи. Сытые, полнотѣлые полицейскіе гарцовали на цокающихъ лошадяхъ. Все было, какъ всегда.

Два дня клокоталъ городъ. Кучки демонстрантовъ, пустынные рельсы трамвайныхъ линій, цѣпи полицейскихъ у разведенныхъ мостовъ, пулеметы на Невскомъ. А за Невой въ морозномъ туманѣ высится темно-красный Зимній Дворецъ, эта твердыня, эта неприступная крѣпость. Все было, какъ всегда. И многіе говорили въ тѣ дни съ горькой усмѣшкой:

— Ничего не выйдетъ, снова ничего... Такъ уже было и такъ будетъ.

А на окраинѣ города, за Литейнымъ, въ это время исторія перелистнула уже сказочную страницу. Началась сказка...

По глухому Виленскому переулку, въ это время, сѣрымъ утромъ 27 февраля, двигались въ боевомъ порядкѣ цѣпи Волынцевъ. И лился по стали штыковъ быстрый блескъ.

То сверкала Свобода.

3.

Насталъ день великой легенды.

Насталъ такой день, котораго ждали на Руси сотни лѣтъ... Къ народу съ винтовкой въ рукахъ вышелъ солдатъ. И, какъ балаганныя постройки, обрушились разомъ, съ гуломъ и грохотомъ, темныя храмины самодержавія. Потому, что только на солдатскихъ штыкахъ держался надъ родиной тяжкій тронъ.

Волынцы вышли. Первыми вышли «Волы», какъ зовутъ ихъ на фронтѣ. Желѣзная пята дисциплины, гдѣ одно уже знаменитое волынское «отбиваніе ноги»—чего стоитъ, кажется, должна была вытравить изъ нихъ человѣческое сердце, должна была затянуть имъ до конца шею воловьимъ ярмомъ.

Но «Волы» качнулись. «Волы» двинулись и лопнули, какъ тонкія бечевки, желѣзныя ярма. Много силъ, очень много горячихъ геройскихъ силъ нужно было для того, чтобы пробиться сквозь мертвую стѣну дисциплины къ солдатской душѣ и къ солдатскому сердцу. Разсѣянные теперь по всей Россіи прапорщики, интеллигенты-вольноопредѣляющіеся, охотники, призванные изъ конторъ и фабрикъ второразрядники—это они пробили дорогу къ солдатской душѣ. И заговорило солдатское сердце...

Могуче, величественно и грозно заговорило сердце.

Когда Волынцы вышли на улицу, когда покатилась къ городу ихъ гулкая лавина—изъ всѣхъ встрѣчныхъ казармъ, всѣ полки, точно ручьи и рѣки, затрепетавъ волной, сразу бросались въ грозный водопадъ, бушуя стекались, летѣли... Точно всѣ только ждали. Точно Волынцы сдвинули стрѣлки часовъ. И гулко ударилъ и разнесся надъ городомъ, по всей Россіи, по всему міру,—звенящій часъ общаго сигнала.

Возстаютъ всѣ. Нигдѣ, никакого сопротивленія. На Парадной улицѣ изъ огромныхъ, красныхъ казармъ на зовущіе вы-

стрѣлы, на раскаты «ура» выливаются въ потокъ всѣ Литовцы и Преображенцы.

Штурмомъ разбиваютъ полковые цейхгаузы. Выносятъ ящики патронъ, набиваютъ обоймы, мгновенно заряжаютъ винтовки... Всѣ ждали, всѣ готовы, у всѣхъ колотится сердце лихорадкой борьбы.

— Идемъ, скорѣе идемъ... Впередъ, впередъ.

Навстрѣчу, по Кирочной, попадается какая-то рота Литовцевъ. Съ ними офицеръ. Тамъ не понимаютъ въ чемъ дѣло, тамъ подымаютъ винтовки для стрѣльбы. Но два-три взмаха фуражками, руками, «ура», и рота опускаетъ винтовки, съ потокомъ сливаются и офицеръ и солдаты. И вмѣстѣ, какъ волны, катятъ впередъ...

Сѣрыя казармы саперъ по Кирочной.

Тамъ ошеломлены, тамъ не понимаютъ. Нѣсколько нетерпѣливыхъ выстрѣловъ по окнамъ, дребезжащій звонъ разбитыхъ стеколъ... Саперы уже рушатся въ водопадъ съ ликующимъ ревомъ.

Бушуетъ улица. Откуда-то появляется оркестръ саперъ. Надъ толпой сверкаютъ серебряныя трубы. Бряцаетъ маршъ...

Съ балконовъ, изъ оконъ, съ тротуаровъ грохочетъ «ура». Всѣ поняли: ударилъ, наконецъ, часъ, наконецъ прозвучалъ красный сигналъ.

Теперь-то уже качнулось, теперь пойдетъ: заколыхается, запоетъ грозовыми раскатами возставшій океанъ, затрепещетъ бѣлопѣнной ризой бурь.

Первая, вторая, третья роты Волынцевъ, поднятыя революціонными вѣстовыми, выходятъ навстрѣчу боевымъ строемъ. Оттуда тоже гремитъ оркестръ. У всѣхъ ликуетъ душа. Руки крѣпко сжимаютъ винтовки. Глаза сіяютъ... Нѣжное крыло вѣчности коснулось и озарило тихимъ свѣтомъ лица идущихъ навстрѣчу свободѣ людей, простыя, добродушныя лица людей въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ.

Кирпичниковъ осмотрѣлся кругомъ.

Всюду, куда только хватитъ взглядъ, колыхалось и гулко гудѣло солдатское море. Штыки склонялись, мелькали и зыбли-

лись надъ нимъ, какъ тысячи тонкихъ стальныхъ мачтъ. Плылъ свѣтлый корабль свободы.

— Вотъ она—мечта. Вотъ то, что могло сниться только во снѣ—неслось у Кирпичникова. Онъ плакалъ, и мѣшались слезы съ радостнымъ смѣхомъ. Тѣснили горло, клокотали въ груди и бѣжали къ глазамъ свѣтлыя, сладкія слезы счастья.

— Теперь мы побѣдимъ,—вставала мысль, а сердце отвѣчало ей ровнымъ и крѣпкимъ боемъ.—Да побѣдимъ, побѣдимъ, побѣдимъ...

Сверкающій штыками, гулкій водопадъ хлынулъ на Литейный.

Отдѣльные люди, отдѣльныя личности кончили свою роль.

На Литейномъ уже правила свой грозный праздникъ стихія. Никто не руководитъ, никто не приказываетъ: нѣтъ вождей и солдатъ,—всѣ вожди. Все свершается само-собой. Красный, пылающій духъ Революціи носится, какъ вихрь, надъ толпами, ведетъ ихъ, запаляетъ надъ ними факелы борьбы...

Буря ринулась на домъ Предварительнаго Заключенія. Сорвала окованныя желѣзомъ двери тюрьмы. Разнесла, съ гулкимъ звономъ, всѣ забранныя рѣшетками окна. Буря лизнула своимъ горячимъ языкомъ сѣрыя стѣны Окружнаго Суда. И повалили изъ-подъ крыши черные клубы дыма, и багровыми птицами полетѣлъ пожаръ...

Океанъ рухаетъ и снова вздымаетъ грозную гору волнъ. Вождей нѣтъ,—это океанъ. Только, какъ легкій гребень волны, какъ взлетѣвшая, сіяющая пѣна, выносятся вдругъ впередъ тѣ безымянные герои, которые ведутъ за собой на секунду лавину.

Кто они, какъ намъ узнать ихъ имена? Солдаты, студенты, рабочіе, женщины, прапорщики—на секунду океанъ дѣлаетъ ихъ своими вождями, послушно и грозно катитъ за ними, несетъ свой ударъ туда, куда хотятъ они. Ударитъ, смететъ... И только каплей, только мятежной каплей, снова станетъ въ океанѣ недавній вождь.

Такъ, въ пыльный день 14 іюля 1789 года, безымянный малышъ-барабанщикъ, мальчикъ безъ имени, ставшій на мигъ

вождемъ, повелъ дрогнувшій было Парижъ за рокотомъ своего барабана на рѣшительный штурмъ Бастиліи...

Такъ было и теперь.

Когда войска докатились до пустыннаго Литейнаго моста, съ Выборгской стороны жарко затараторили пулеметы: за мостомъ была засада. Оттуда открыли ураганный огонь.

Океанъ всталъ, запрудился. Послышались прерывистые стоны раненыхъ. Стремительно вытянувъ впередъ руки, откинувъ винтовки, мгновенно падали убитые. А въ стеклянѣющихъ, уже задымленныхъ смертью, глазахъ еще плылъ и свѣтился радостный свѣтъ. Радостный свѣтъ вѣчности... Океанъ потемнѣлъ, казалось, что сейчасъ онъ хлынетъ назадъ.

Вдругъ вырывается впередъ всадникъ. Взмылена пѣной черная грудь коня. Молодой, совсѣмъ юный прапорщикъ подымается на стремянахъ. Тонкая армейская шпажонка сіяетъ въ вытянутой рукѣ, какъ блещущій снопъ лучей. И сіяетъ восторгомъ молодое лицо.

— Кому свобода дорога, за мной!

Вонзилъ шпоры. Гремя копытами поскакалъ высокій черный конь... За нимъ ринулся океанъ, переливаясь склоненными штыками. Засаду—смели. Какъ гулкій ударъ бури ворвались въ оружейные склады...

Нельзя уловить, нельзя влить въ человѣческія слова затрепетавшее дыханіе бури.

Изъ складовъ выбрасываютъ въ толпу, по рукамъ, связки винтовокъ, револьверы, ящики патроновъ. Народъ вооружается. Прилетѣли откуда-то автомобили скорой помощи, съ жуткимъ змѣинымъ свистомъ пронесся между стѣнъ толпы сѣрый броневикъ. Привезли папиросы и горячіе, еще дымные караваи хлѣба.

Все было нужно, все было необходимо. Кто прислалъ ихъ? Вожди? Нѣтъ... Это былъ тотъ красный духъ Революціи, по велѣнію котораго все свершалось само собой.

На улицу выкатили батарею тяжелыхъ орудій.

Повернули широкія, звѣрскія жерла пушекъ на городъ, къ вокзаламъ, откуда могли еще подойти войска самодержца.

И если бы запѣли, заскрежетали эти чугунныя громады,—черезъ нѣсколько часовъ весь Петроградъ могъ бы стать городомъ дымныхъ развалинъ, обугленной и сожранной пожарами и взрывами пустыней...

Океанъ разносилъ все. Какъ щепья разлетѣлся встрѣчный полицейскій участокъ. Грозный валъ покатилъ къ краснымъ корпусамъ «Крестовъ». Глухо качался секунду у стѣнъ. Напоръ... И снова только сорванныя съ петель двери, поваленные заборы, выбитыя стекла, сваленные въ костры обрывки бумагъ. Буря смела. Буря идетъ дальше.

Уже стемнѣло. Звенѣли улицы стонущимъ гуломъ. Казалось, что весь городъ охваченъ гигантскимъ пожаромъ.

Войска двинулись къ казармамъ Московцевъ. И снова по площади, вонзая шпоры въ конскіе бока, леталъ, какъ вихрь, мальчикъ-прапорщикъ. Безымянный, секундный вождь возставшаго океана.

Чья-то слѣпая пуля сразила его на улицахъ. Вскинувъ руки, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, онъ рухнулъ съ коня. И погасла его сіяющая геройская шпага. И мгновенно погасли молодые глаза... Онъ палъ, мятежный и юный, какъ первый громъ.

Мы не знаемъ его имени. Его имени не знаютъ и тѣ, кого онъ водилъ на геройскіе штурмы. Но запечатлѣлось навсегда въ солдатской душѣ его полудѣтское, свѣтлое лицо. И, какъ отзвукъ сѣдой легенды, докатится до далекихъ потомковъ свѣтлая память о безымянномъ прапорщикѣ...

4.

Надъ городомъ дышали, колыхаясь, красныя зарева. Въ темнотѣ улицъ стрекоталъ пулеметный огонь, набѣгая рокочущими волнами.

Волынцы собираютъ товарищей. Созываютъ тѣхъ, кого могли отыскать, строятся. Они хотятъ идти къ Гос. Думѣ. Волынцы поняли, что пора уже трубить сборъ побѣды, что пора уже бойцамъ стекаться подъ одно знамя. А гдѣ найти его, вокругъ

кого встать стальной стѣной штыковъ? Знаменемъ можетъ быть только Дума. И къ Думѣ двинулись Волынцы.

Вышли на Шпалерную. Омутъ пожарища зыблется у Окружнаго Суда. Звякаютъ пожарныя машины. Перекатывается во всѣхъ окнахъ свѣтлый огонь, поетъ ровнымъ гуломъ...

А дальше—пройти уже нельзя. У Думы заторъ войскъ, не протиснуться,—стоятъ вплотную, какъ сплошная стѣна. Безъ призыва, безъ словъ—къ Думѣ идутъ всѣ. Всѣ понимаютъ, что нужно слиться подъ однимъ знаменемъ.

Революція уже протрубила сборъ побѣды...

Великій смыслъ есть въ ея потрясающей бурѣ. Разрушая мгновеннымъ ударомъ, она мгновеннымъ ударомъ и созидаетъ. Рухая расплавленнымъ океаномъ, она подымается спаянной скалой. И тамъ, куда сотни лѣтъ носили страдальцы камень за камнемъ,—въ одинъ день, въ одну только ночь выраcтаетъ подъ молотомъ революціи, — величественная громада скалъ.

Дума стала скалой, и къ ней катился океанъ, спадалъ у ея бѣлыхъ стѣнъ, торжественно затихалъ...

Къ Думѣ Волынцы пройти не могли. Тамъ былъ заторъ.

Артиллеристы, матросы, конная гвардія, рабочіе, студенты, женщины—откуда только нагнало столько народу? Точно порывъ вѣтра примчалъ ихъ сюда однимъ духомъ.

— А вѣдь мы, мы все начали... Братцы, могли ли мы ждать?— Волынцы счастливо, какъ дѣти, смѣялись. Гордо и радостно осматривались.

Тѣхъ изъ товарищей, кого могъ собрать, Кирпичниковъ повелъ тогда на Невскій. Это уже концы той славной, сказочной дороги, по которой шелъ 27 февраля Волынскій полкъ. На Невскій Волынцы вышли, точно дозоръ революціи, чтобы услышать и посмотрѣть, какъ въ ликующемъ гулѣ борьбы городъ встрѣчаетъ свободу.

Надъ темной линіей крышъ плыло красное зарево. Проносились, какъ грозныя тѣни, автомобили. Жадно рокотали пулеметы. Невскій былъ теменъ. И въ темнотѣ звякали солдатскія

винтовки, слышался кашель, говоръ, крики... На улицахъ еще дрались.

Еще метался и пылалъ, вѣя по всему городу искрами, красный факелъ борьбы...

Изъ гостиницы «Севастополь» по Волынцамъ вдругъ открыли пулеметную стрѣльбу. Быстро разсыпались Волынцы въ цѣпь, быстро залегли у трамвайныхъ столбовъ, на рельсахъ, подъ навѣсами подъѣздовъ. Били по гостиницѣ—пачками... Вновь—бѣглый огонь, вновь—пальба. Уже который разъ, въ тотъ день, забивали лихорадочныя руки обоймы съ патронами и сжимали нагрѣтыя, прокопченныя выстрѣлами дула винтовокъ.

Гоготанье пулеметовъ разомъ оборвалось. Волынцы тоже прекратили огонь. Поднялись, двинулись дальше...

Когда подходили къ своимъ казармамъ въ Виленскомъ переулкѣ, впервые почувствовали, какой огромный, трудный день вынесли сегодня. Ноги казались отяжелѣлыми, точно усталость наполнила сапоги тяжелой водой. Многіе вспомнили, что съ самаго утра ничего не ѣли. Хотѣлось снять грузные сапоги, сбросить оттянувшія плечи винтовки.

Радостнымъ гуломъ гудѣли казармы: многіе уже вернулись съ улицъ домой. Кирпичникова окружили, тискали ему руки желѣзными, солдатскими пожатьями, накрѣпко цѣловались... Это былъ праздникъ, радостный, свѣтлый праздникъ. Усатые фельдфебеля, и молодые «первогодки», и коренастые боевые «кавалеры»—на перебой разсказывали другъ-другу, гдѣ были днемъ. Грозныя, все сметающія въ секунду, атаки, стрѣльба, уличные бои мѣшались въ разсказахъ съ веселыми мелочами, съ тѣмъ смѣшнымъ и острымъ, что всегда умѣетъ подмѣтить и подхватить нашъ народъ.

А кашевары постарались и приготовили ужинъ на славу. И сливался стукъ деревянныхъ ложекъ съ громкимъ смѣхомъ и тонулъ въ радостномъ гулѣ голосовъ.

Всѣ почти были не ногахъ. Въ шинеляхъ, не раздѣваясь, нѣкоторые ложились на койки, чтобы подняться и встать по первому зову. Всѣ были готовы снова на улицы, въ бой, въ атаки...

Еще не думалъ никто, что въ одинъ день побѣжденъ обмурованный цементомъ вѣковъ старый строй. Всѣ ждали, всѣ хотѣли борьбы, а пыльныя декораціи самодержавія уже рухнули, и разлетѣлись по вѣтру истлѣвшія клочья горностаевыхъ мантій..

Всѣ были на ногахъ. У многихъ изодранныя шинели, у многихъ потемнѣлыя отъ дыма лица и бѣлыя повязки съ темными пятнами крови... Навѣки славными, опаленными краснымъ пожаромъ революціи, вернулись въ ту ночь домой Волынцы.

— Четыре дня, послѣ 27 февраля, я былъ командиромъ Волынскаго баталіона,—тихо улыбаясь, закончилъ свой разсказъ Кирпичниковъ.—Кажется, мы вамъ все разсказали, что пережили...

Я поднялъ отъ бумагъ голову и обвелъ глазами окружающихъ. Волынцы столпились вокругъ маленькаго, крытаго клеенкой столика, высятся передо мной, какъ стѣна. Каріе, голубые и сѣрые глаза смотрятъ привѣтливо и довѣрчиво. На молодыхъ лицахъ свѣтится ясная и простая душа. У многихъ щеки разгорѣлись румянцемъ... Они слушали, они дополняли другъ-друга, всѣ они переживали вновь три своихъ трепетныхъ дня.

Въ казармахъ мягко и грустно наигрывала солдатская гармонія. Кто-то смѣялся крѣпкимъ, молодымъ смѣхомъ. Изъ полукруглаго окна солнечный лучъ протянулъ тонкую, золотистую паутинку на истертыя половицы. День падалъ къ вечеру...

Кирпичниковъ поднялся, потирая ладонью лобъ.

— Голова у меня разболѣлась отъ разсказовъ... Да, много мы пережили.

Я смотрю на него. Онъ статенъ и строенъ, на немъ ловко сидитъ солдатская гимнастерка. У него горячія и тонкія руки нервнаго человѣка, высокій, блѣдный лобъ и каріе глаза. Когда онъ разсказывалъ, на его бритомъ, худощавомъ лицѣ вспыхивалъ вдругъ нервный румянецъ и заливалъ краской блѣдный лобъ. А каріе глаза наполнялись тогда мгновенными слезами. Много онъ пережилъ. Много...

Въ ту ночь, когда, съ грубой насмѣшкой сильныхъ, сгоняли еще съ улицъ нагайками голодныя толпы рабочихъ,—онъ рѣ-

шился. Въ ту ночь онъ вѣдь шелъ на висѣлицу, онъ шелъ въ сырую тьму петропавловскихъ казематовъ, но долѣе не могъ онъ. Тоска по желанной народной любви и по свѣтлой долюшкѣ-волѣ и нестерпимая боль разлада душевнаго—сколько безсонныхъ ночей, сколько одинокихъ, страдальческихъ мыслей принесли онѣ ему. Болѣе онъ не могъ и сказалъ рѣшительное и простое слово товарищамъ и повелъ ихъ на улицы, къ народу...

Рядомъ со мной сидитъ на койкѣ Михаилъ Марковъ, тотъ Марковъ, который въ страшную ночь 27 февраля цѣловалъ свою винтовку, вѣруя, что она принесетъ свободу... Его голубые глаза щурятся все время ласковой усмѣшкой. Русые усы у него пушатся. На волосатомъ пальцѣ бѣлѣетъ кружокъ серебрянаго обручальнаго кольца.

Такіе люди крѣпко и разъ навсегда любятъ, такіе люди съ улыбкой идутъ на смерть за свою мечту. Я теперь понимаю, почему съ такой нѣжностью шепталъ ему Кирпичниковъ ночью 27 февраля.

— Милый ты другъ мой, Марковъ... Милый ты, Миша.

Иванъ Дренчукъ, Козловъ, Орловъ и Иванъ Ильинъ, тотъ смѣлый ефрейторъ Ильинъ, который самъ сорвалъ свои нашивки,—хочется навсегда запечатлѣть въ душѣ ихъ добродушныя, простыя лица, веселыя усмѣшки, смѣлый взглядъ, оттѣнки ихъ грудныхъ, крѣпко прокуренныхъ голосовъ...

Я слушаю ихъ неторопливыя, покойныя и серьезныя рѣчи. Все въ нихъ такъ просто, такъ яснодушно...

Пройдутъ вереницы лѣтъ, застелетъ наши дни дымъ вѣковъ и станетъ все величавой легендой.

Мы—люди великаго времени. Дѣла нашихъ дней—великія дѣла. Наши герои—будутъ свѣтлыми миѳами для потомковъ. И будутъ пѣть поэты наши дни, дни гигантскихъ катастрофъ и гигантскихъ побѣдъ, тѣ свѣтлые дни, когда надъ страной прокатилось, какъ солнце, первое дыханіе свободы...

Война и революція—это тѣ два огненныхъ молота, которые куютъ судьбы народовъ. И сталъ нежданнымъ кузнецомъ нашей судьбы нашъ солдатъ.

Могучимъ говоромъ заговорило его сердце, и онъ поднялъ свою винтовку за народъ, онъ повелъ народъ къ свободѣ... И уже сегодня, уже теперь кажутся тѣ три ушедшіе дня, когда, какъ океанъ въ бурю, качался городъ въ пожарищахъ и стрѣльбѣ,—кажутся тѣ дни грозно величественными.

Величавой была наша революція. Она была, какъ торжественное шествіе побѣдителей. Хотѣли борьбы, ждали сраженій, но только колыхнулся, только поднялся океанъ, и разомъ, въ одинъ день,—рухнули всѣ плотины.

Мы болѣемъ сегодняшней болью, насъ тревожатъ сегодняшнія тревоги. А развѣ не сказочно величаво, что Волынцы, которые нѣсколько дней назадъ ходили на улицахъ въ атаки,— первые же вышли сегодня на улицы съ мирными призывами на красныхъ знаменахъ:

— Рабочіе къ станкамъ, солдаты въ окопы.

Это лозунгъ всѣхъ, этимъ только бьется теперь наше сордце. Всѣ мы, весь народъ нашъ—живетъ теперь однимъ сердцемъ. И гулокъ его ударъ, и ровенъ его бой. Такъ бьется огромное сердце богатыря...

Потокъ народный нежданно хлынулъ впередъ, смылъ всѣ запруды, однимъ ударомъ разнесъ вѣковыя плотины. Вотъ оно,—пришло, наконецъ, половодье.

Идутъ воды, мелькаютъ солнечнымъ блескомъ, радостно грохочутъ. Пришла весна... И вѣчно, пока стоитъ Россія,— у всѣхъ въ душѣ будетъ сіять тотъ годъ, когда зацвѣла первая весна нашей свободы. Сказочный 1917 годъ.

И въ свѣтлыхъ школьныхъ залахъ наши внуки и правнуки будутъ благоговѣйно читать величественныя легенды о 1917 годѣ. Будутъ читать и о славномъ Волынскомъ полкѣ и о волынскомъ фельдфебелѣ Тимофеѣ Кирпичниковѣ и о голубоглазомъ унтеръ-офицерѣ Марковѣ и о смѣломъ ефрейторѣ Ильинѣ...

А теперь, когда ревутъ на границахъ германскія пушки, когда подъ угрозу германскаго тесака поставлена юная наша

свобода и льется, льется каждый часъ, каждую секунду святая кровь братьевъ-солдатъ на фронтѣ, съ такимъ воззваніемъ обратился Т. И. Кирпичниковъ ко всѣмъ гражданамъ Россіи:

«Зная, что исполненіе выбраннымъ Государственной Думой правительствомъ возложеннаго на него революціей великаго дѣла зависитъ отъ единодушнаго, не за страхъ, а за совѣсть подчиненія ему всего русскаго народа, безъ различія партій, безъ различія классовъ, я вторично поднимаю свой голосъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, и призываю всѣхъ моихъ согражданъ къ тяжелой упорной, дружной, хотя бы и сверхурочной работѣ. Мы всѣ понимаемъ, какимъ великимъ горемъ было бы для насъ потерять свободу, завоеванную въ два съ половиной дня кровью тысячи погибшихъ въ Петроградѣ героевъ. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые безумцы, подстрекаемые провокаціей стараго режима, хотятъ пожертвовать другимъ общенароднымъ дѣломъ, за которое въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ полегли сотни тысячъ русскихъ гражданъ. Они же подстрекаютъ насъ къ тому, чтобы мы предательски, измѣною дѣлу нашихъ мужественныхъ, благородныхъ свободныхъ союзниковъ, купили себѣ благодарность и дружбу германскихъ соціалъ-демократовъ, этихъ жалкихъ рабовъ императора Вильгельма. Не будемъ же мѣшать Временному Правительству, которому народъ приказалъ исполнить три великихъ и тяжелыхъ задачи: водворить въ Россіи порядокъ, организовать побѣду и созвать Учредительное Собраніе. Забудемте скорѣе о нашихъ собственныхъ заслугахъ и будемъ думать только о нашей арміи. Мы три дня были въ бою съ ничтожной кучкой враговъ, по глупости своихъ вождей стрѣлявшихъ изъ пулеметовъ въ небо, тогда какъ наши дорогіе братья на фронтѣ ежедневно рискуютъ своей жизнью и безропотно отдаютъ ее въ борьбѣ съ жестокимъ и сильнымъ врагомъ.

Старшій унтеръ-офицеръ Волынскаго гвардейскаго полка Тимофей Кирпичниковъ».

Иванъ Лукашъ.
